

Литература

1. Локк Д. Сочинения в трёх томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 671 с.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М.: Академический Проект, 2010. – 319 с.
3. Рикер П. Конфликт интерпретаций. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.
4. Элиаде М. История веры и религиозных идей: от Гаутамы Будды до триумфа христианства. – М.: Академический Проект, 2008. – 676 с.

УДК 130.2

В.Л. Круглов

СТРАТЕГИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ КАК ЗАКОН ИСКЛЮЧЁННОГО «ПЕРВОГО»

В статье обсуждается гуманистический потенциал принципа дополнительности в качестве альтернативы деструктивным тенденциям современной мысли.

Ключевые слова: принцип дополнительности, мышление, методология, регресс, деструкция, человек.

V.L. Kruglov

THE COMPLEMENTARITY STRATEGY AS THE LAW OF THE EXCLUDED "FIRST"

The article discusses the humanistic potential of the complementarity principle as the alternative to the destructive tendencies of modern thought.

Key words: complementarity principle, thinking, methodology, regression, destruction, man.

Мы постараемся развернуть свои соображения не в традиционной – суммативно-инструментальной интерпретации принципа дополнительности, а в плоскости проблемы немысленности «мыслимого», которая отчасти созвучна в аберрации современной рефлексии вопросу мысленности «немыслимого», развиваемого у ряда представителей так называемой постметафизики благодаря творчеству Ж. Делёза и Ж. Деррида.

Решение указанного движения, по сути, покоится на обосновании инверсии следующих положений: а) имеет смысл мыслить нечто как «несуществующее»; б) имеет смысл мыслить нечто как «бесмысленное»; а отсюда – имеет смысл осмыслить нечто за скобкой дискурсивной артикуляции как непроявленное, «невыраженное», т.е. на голой поверхности квазипричинной коммуникации (понятие эзотерического языка в «Логике смысла» Делёза Ж.) или в топосе чистого «со-общения» (всплывает образ «почтовой открытки» Деррида Ж.): «Речь идёт не столько о прорыве к непосредственному, сколько о полагании того места, где непосредственное дано «непосредственно» как нечто не-достижимое» [1, с. 168; 2, с. 5–6].

Следует заметить, что такая позиция вполне последовательно исключает субъект-объектную стратегию из арсенала философа: «Понятия субъекта и объекта не позволяют подойти вплотную к существу мысли» [3, с. 111]. Однако же в горизонте подобного исключения обнаруживает себя ещё одна деструктивная интенция, спровоцированная в метафизике прошлого столетия еще М.Хайдеггером, – мы имеем в виду его программную ревизию онтологии, которая, в свою очередь, черпала основание в критических интуициях И. Канта и Ф.Ницше [См.: 4, с. 142–224]. Деструктивный пафос создателя фундаментальной онтологии вылился в постметафизическом мышлении в устранение классической онтологической установки – всякая онто-логика есть лишь принцип сокрытия основания, задающего возможность интенционального поля «данности» предметности, которую как раз-то и выводят из обращения философской аналитики.

С одной стороны, и Ж.Делёз, и Ж.Деррида блестяще вскрывают регрессивный характер любого методологического инструментария метафизики – смысл как соприкосновенная грань вещи и события регрессивно [Ср.: 5, с. 100] развёртывает топос мышления, вплоть до соединения несоединимого, абсурда. Парадокс регресса, или *неопределенно-бесконечного* размножения вербальных сущностей, у Ж.Делеза в логическом смысле обозначенный как «синтез имён», «есть-говорить, поглощаемые вещи-выражаемый смысл», известен и как парадокс Г.Фреге: «...если дано предложение, указывающее на некое положение вещей, то его смысл всегда можно рассматривать как то, что обозначается другим предложением», «серия может регрес-

сировать бесконечно, чередуя реальное имя и имя, обозначающее данную реальность» (курсив мой. – В.К.) [1, с.45–48; 55; ср.: 6, с.97]. Проекция этой идеи в анализ социокультурного пространства популярна и у других представителей «постмодерна»: достаточно вспомнить, к примеру, такое понятие (в частности, Бодрийера Ж.), как «имплозия», которое наряду с «орбитальностью» означает способ функционирования симулятивных моделей ценностей в культуре, а именно – «впечатывание» в пустую форму («вымаранную» забвением своих первоначальных целей и истоков) симулякра [Ср.: 7, с.333] всех иных моделей в орбите их соприкосновения; в широком смысле слова имплозия выражает регрессию к нулевому состоянию («нулевой степени») смысла или существования предметов культуры – у самого же Бодрийера метафорой имплозии является выражение «катастрофа смысла».

С другой стороны, именно в молчаливой невыраженности мысли они вскрыли проблему *ремиссии* смысла – методологического вакуума в попытках выражения Другого, который заполнили игрой деконструкции и логикой нонсенса: «Если мышлению надлежит исследовать виртуальное до глубины его повторений, то воображению – постигать процесс актуализации в его повторях и откликах. Воображение – личинка сознания, непрерывно переходящая от науки к мечте и обратно – пронизывает сферы, порядки и уровни, сносит перегородки; соразмерное миру, оно направляет наше тело и вдохновляет душу, постигая единство природы и духа» [7, с.268]. Недаром и вариации стратегии дополнительности, которые осуществляет Ж. Деррида в рамках *differance*, – замещение пустого места как восполнение недостатка-изъяна «начала», «возмещения» отсутствующего, – неизбежно оборачиваются методологическим регрессом открытой к извечному повторению игры цепи дополнений-замещений-повторов: «В этой временной протяженности *differance* может быть названа игрой следов. Это – след, не принадлежащий более горизонту бытия, но в котором, напротив рождается смысл Бытия; это игра следов или *differance*, не имеющая смысла и не нечто; игра, которой не принадлежит ничто. Здесь невозможно обнаружить никакой опоры. Нет никакой глубины и пределов у безграничной шахматной доски, где в игру вовлечено само Бытие» [8, с.151; ср.: с.130]. Идее Ж.Деррида об овременении «возможности-невозможности» дополнения (то есть одно-пост-временной связки-границы возможного и действительного) небезынтересно противопоставить размышления одного из инициаторов принципа дополнительности в научном мышлении, В.Гейзенберга: «...Однако работа Бора, Крамера и Слэтера содержала уже существенную черту верной интерпретации квантовой теории. С введением волны вероятности в теоретическую физику было введено совершенно новое понятие. Она означала нечто подобное *стремлению к определенному* протеканию событий. Она означала количественное выражение старого понятия «потенция» аристотелевской философии. Она ввела странный вид физической реальности, который находится приблизительно посередине между возможностью и действительностью» (курсив мой. – В.К.) [9, с.18].

Но именно на перепутье смысловой ремиссии и методологического регресса течения мысли «оживает» старая метафизическая проблема природы, неизмысленности истока мышления (то бишь метафизической и научной рефлексии), которую, как оказалось, невозможно исключить ни деструкцией, ни ревизией какой-либо традиционной методологической платформы. По своей исконной природе метафизика обнаруживает, вскрывает, проясняет «бытие» как вещей, так и людей, за гранью непосредственно пространственно-телесного проявления и взаимодействия, отсюда и метафизическая проблема «непосредственно данного, или очевидного». Сравните: «...метафизичность понятий и представлений свойственна любому человеку, поскольку он учитывает в своем сознании и деятельности не только то, что непосредственно перед ним расположено. Метафизично в этом смысле любое человеческое сознание, наделенное хотя бы в минимальной степени памятью и предвидением, воображением и сопониманием бытия (со-бытия) других людей. Подобная метафизичность характерна и для многих социально-гуманитарных дисциплин, вынужденных в своем исследовании пользоваться моделями непосредственно не данных человеческих и социальных качеств и реконструировать в своих гипотезах и теориях человеческие действия и взаимосвязи» [10, с. 37].

Иначе в точке «децентрированного центра» субъекта (Делёз Ж.) ремиссионный вакуум смысла оказывается дополнителен всякой методической интенции: зарождение импульса смысла, момент осмысления, фактически активируется первичной позицией заявителя методической установки, локус которого, собственно, онтическое расположение субъекта, центр и периферия рефлексии, – не именуется, но определяется, каждый раз сообщается с «за-» явленностью горизонта интенционального поля мыслителя [1, с. 121–127]. Тем самым методическая регрессия смысла всякого дискурса не исключает и отрицает, но размыкает границы его воспроизводства, обнаруживая в дополнительности не столько инструментальный момент, сколько антропологический срез ситуации. Хотелось бы отметить, что здесь речь идет не о подмене логического трансцендентальным либо манифестацией субъекта мысли, а о смысловой *структурированности* коммуникативного слоя мышления, т.е. ситуации сообщения человека и мира: «Индивидуация как индивидуирующее различие – до-Я, до-мыслящий субъект в той же мере, в какой особенность как дифференциальная детерминация доиндивидуальна. Мир *безличных индивидуаций и доиндивидуальных особенностей* – таков мир *Безлично*, или «их», несводимый к повседневной банальности; напротив, это *мир, где готовятся встречи*

и пересечения, последний лик Диониса, истинная природа глубинного и бездонного, превосходящая репрезентацию и вызывающая симулякры» (курсив мой. – В.К.), [7, с. 332–333]. Мышление всегда имеет шанс начать с «нуля», к которому свели, но не исключили, а лишь разомкнули, проблему человека наследники фундаментальной деструкции метафизики. Известный тезис постмодернизма о «смерти человека» по сути представляет собой развитие вариаций ницшеанского «слишком человеческого»: «...мы не ищем в Ницше проповедника перемен или выхода за какие-то пределы. Если и существует автор, для которого смерть Бога или полное падение аскетического идеала не имеют значения, раз за ними стоят фальшивая глубина человеческого, дурная вера и озлобленность, – так это Ницше. Он следует своему открытию всюду – в афоризмах и стихах, где не говорят ни человек, ни Бог, в машинах по производству смысла и разметке поверхностей Ницше заложил основу эффективной идеальной игры» [1, с. 96; см. также: 11, с. 5–32].

Поэтому, с усилением претензий автономной исключительности любой познавательной стратегии, в методологии всегда имеет «место» беспринципность любого «принципа» или то, что мы назвали бы законом исключённого первого. Таковой и оформляет ситуацию дополнительности – константной возможности дополнения, – в которой стратегия исследования соразмерна исходной немысленности факта самой мысли в бесконечно-регрессивном и безначально-беспринципном *акте* смыслового пространства встречи человека и мира.

Литература

1. Делёз Ж. Логика смысла. – М.: Академия, 1995.
2. Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только. – Минск: Современный литератор, 1999.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: АЛТЕИЯ; СПб., 1998.
4. Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского. – М.: Per Se, 2001.
5. Гуссерль Э. Логические исследования. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.
6. Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. – Томск: Водолей, 1998.
7. Делёз Ж. «Различие и повторение» / пер. с фр. Н.Б. Маньковской и Э.П. Юровской. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
8. Деррида Ж. *Differanse* // Гурко Е. Тексты деконструкции. – Томск: Водолей, 1999. – С. 124–158.
9. Гейзенберг В. Физика и философия: пер. с нем. – М.: Наука, 1989.
10. Гурин С.П. Маргинальная антропология. – Саратов, 2000.
11. Аронсон О. Игра случайных сил // Делёз Ж. Ницше и философия; пер. с фр. О. Хомы; под ред. Б. Скуратова. – М.: Ad Marginem, 2003.

